

УДК 338.001.36

ОБАМА СПАСАЕТ КАПИТАЛИЗМ

© 2011 г. **А.И. Дейкин***
Институт США и Канады РАН, Москва

Нынешний кризис заставил думать о будущем мирового и национальных хозяйств. Наступление его нельзя точно спрогнозировать, оно рождается в противоречиях. Привычный рыночный капитализм стремится к переменам. Их суть вернее и точнее всего можно выразить словом «конвергенция», но сближаться будут не «социализм» с «капитализмом» – это уже происходит, а плановое и стихийно-предпринимательское, эмоциональное и рациональное начала в мировом хозяйстве.

Ключевые слова: финансово-экономический мониторинг, конвергенция, контуры нового капитализма.

Очистка «мейнстрима» от искажений: в пользу научной честности

Чтобы связи государства с бизнесом не шли вразрез с логикой, чтобы не было искусственно сконструированных и искусно поддерживаемых «отношений несовместимости» и вражды государства с частным предпринимательством, следует соблюдать несколько условий. Основные из них очевидны, и их соблюдение – самая сложная часть задачи, выполняемой ради обоюдного ускорения реакции сторон на неблагоприятное развитие деловой конъюнктуры при кризисе. Другая важная цель возврата к естественным, «родственным», отношениям между государством и бизнесом – повышение точности выбора, применения и дозировки намечаемых мер. Кроме того, надо постоянно помнить о том, что такие меры самим фактом возможности их применения будут объективно ограничивать беспредельное стремление бизнеса к максимизации прибыли любыми способами: через лазейки и «белые пятна» в законодательстве, в обход законов, через новые способы и финансово-организационные инструменты вроде дериватов. Эти меры для того и предназначены, но одним из результатов будет регулярное возобновление атак на государство и его попытки «ущемить» свободу действий и интересы предпринимателей.

Следовательно, сохранятся и попытки противопоставления государства частному бизнесу. Избежать этого при современном варианте рыночной системы невозможно, речь может идти только о некотором ограничении агрессивности и неумности таких попыток. И всё же они будут продолжены в фазах роста и

* **ДЕЙКИН Александр Иванович** – старший научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: av654321@work mail.com

Статья продолжает тему, исследование которой было начато в предыдущей публикации автора. См.: «США ♦ Канада: экономика, политика, культура». 2011. № 1. – Ред.

при кризисах, вообще при любом развитии хозяйственных событий. Заложённая в них напористость останется неизменной, при некотором вероятном росте их изобретательности. Это легко подсказать на примере бесконечных нападок на «Новый курс» Ф. Рузвельта: авторы их, нисколько не затрудняясь аргументами, все прошедшие годы утверждали, что «Новый курс» был провальным, а настоящее «процветание» возобновилось бы при непрерываемом продолжении предшествовавшего «курса Гувера»: только не следовало ограничивать действие законов «свободного рынка».

Таким утверждениям нет доверия уже потому, что противоположные концепции, серьёзно и аргументированно доказывающие пользу и неизбежность «Нового курса», тоже не столь часты, а об анализе последствий возможного углубления мероприятий «Нового курса» сейчас практически забыто. Но у сторонников раскола между государством и предпринимательством масса различных ресурсов для выполнения своей задачи, к тому же непрерывность поддержания напряжённости в отношениях государства и бизнеса для неолИБералов – обязательное условие их выживания с сохранением их концепции, научную нелегитимность которой большинство экономистов ощущает хотя бы инстинктивно.

Ощущение своей неправоты и есть, может быть, главный стимул, рождающий агрессивность противников государства как участника экономических процессов. Без непрестанной подпитки этот тезис легко может «потеряться», исчезнуть ввиду невостребованности, однако такое вряд ли произойдёт, потому что именно на вымышленной и алогичной «враждебности» буржуазного государства капиталистическому укладу экономики строятся все обоснования экспансии крупного капитала, протесты против любых попыток ограничить «рыночные свободы», – надо, кстати, учесть, что это словосочетание не очень точно, ибо в виду имеются «частнопредпринимательские свободы», и это иногда далеко не одно и то же.

Но приходится обратить особое внимание на двойственность причин нынешнего кризиса. Пусть этот кризис – в определённом смысле следствие противоестественного культивирования враждебных отношений государства и предпринимательства, и пусть дериваты («деривативы») можно рассматривать в качестве очередного продукта естественного развития инструментария рынка (что, правда, сомнительно); однако внезапное их «распухание», внезапное сверхбыстрое расползание по мировым финансовым рынкам без какой-либо увязки с конъюнктурой реального производства (а считается, что к началу 2010 г. в мире накопилось дериватов более чем на 750 трлн. долл. – раз в 12 больше МВП, причём разрыв быстро рос все последние годы) – это, безусловно, болезненное отклонение от нормы, нарос на теле реальной экономики, возвращённый изначально чисто эмоциональной «выгодностью мероприятия», а говоря проще, алчностью финансистов, собственников и распорядителей громадных денежных сумм, не нашедших применения в производстве.

Как всякое болезненное проявление, тем более в острой форме, это отклонение требовало немедленного принятия самых срочных и решительных мер в хорошо известном при всякой пандемии порядке: быстрое выявление, точная диагностика, поиск методов лечения, подбор медикаментов или хирургических мер и лечение под неусыпным и всесторонним международным надзором и контролем. Ничего этого не оказалось в наличии в нужное время, более всего

из-за почти повсеместного отсутствия требуемых механизмов и умения их применять. Кое-где, правда, нужные средства были, прежде всего в США, но в начале «нулевых» оказались заблокированы и отстранены от выполнения законодательно утверждённых предписаний. Не были замечены и отдельные трезвые предупреждения честных прагматиков.

Вот и сейчас не видно никакого развития работы над такими механизмами, кроме одной-двух стран, но Россия к этим странам никак не относится. Значит, нет пока и никакой гарантии, что, когда в финансовом мире появятся очередные «дериваты», им не дадут той же воли, чтобы потом, сославшись на «неожиданность», вновь продекларировать потребность в «новом финансово-экономическом порядке» для мировой экономики. Нельзя забывать и о том, что к специфическим, «нежданным» кризисам будут добавляться неизбежные пока циклические, «регулярные», и к тому же кризисы этих двух видов могут и совпадать во времени – как текущий, «положенный» по времени, спад стал подкладкой для «нежданного» и главного на этот раз кризиса экономического регулирования.

Меры по предотвращению или смягчению «традиционных» и по предупреждению «неожиданности» наступления «нетипичных» кризисов частично известны. Возможно, их арсенал предстоит в ближайшее время пополнить. Однако самой решительной «модернизации» требуют способы, манера, методы, инструменты и процедуры подготовки таких мер и, конечно, их реализации. Прежде всего это касается мониторинга экономической и финансовой конъюнктуры, национальной по каждой из стран и мировой. Такие наблюдения должны вестись по новой, специально разработанной схеме и новым принципам, со встроенными «предупреждающими» сигналами, обязательно включая подробные наблюдения за валютными операциями. Но для этого нужна новая международная схема такого мониторинга, его структура и кадровое и финансовое обеспечение, подробная разработка порядка проведения работы, публикации результатов, их первичного и основного анализа.

Дело осложняется, – и не наоборот, как хотелось бы думать, – тем, что уже существует довольно много заведений разного калибра, занятых постоянным мониторингом параметров и процессов мировой экономики: их усилия невозможно сложить для получения общего подробного, глубокого и достойного результата из-за отсутствия совместимости методик, исходных баз данных и различий в политических целях, да и экономических и идеологических тоже, руководителей и владельцев этих научно-аналитических и практических заведений. Относится это и к университетским центрам и лабораториям – ввиду различий в их возможностях.

Единая и приемлемая для всех структура мониторинга – задача непростая, поскольку результаты наблюдений и их первичного анализа должны отвечать потребностям всех заинтересованных сторон – от бизнеса и правительственных учреждений до научных и образовательных заведений. Но, надо думать, главные сложности будущих организаторов подобного исследовательского центра всё же ожидают в двух направлениях: финансы и кадровая сфера. Финансовые взносы, видимо, будут пропорциональны ВВП или каким-то иным параметрам экономики стран-участниц, а их различия заставят более щедрых «доноров» требовать больше прав при планировании и реализации рабочих мероприятий, и это будет неизбежно вредить качеству анализа и достоверности результатов. Ещё больше проблем с кадровым обеспечением.

Для получения и обработки своевременных, предельно достоверных и готовых к дальнейшему использованию данных нужны специалисты с несколько необычным набором достоинств: грамотные экономисты с широким кругозором и отличным знанием отдельных направлений, не принадлежащие ни к одной из официальных, модных и т.д. экономических школ, заинтересованные в поисках «научной истины» и не стремящиеся к получению сверхдоходов или к правительственной карьере, – но при этом они должны получать достойное содержание. Задача поиска научно честных аналитиков, лишённых, по Смиту, неперемennого «порока на службе всеобщего блага» – рыночного своекорыстия – разрешима не без труда. Несколько сложнее, может быть, найти руководителей такого центра и его подразделений, для этого нужны экономисты мирового класса, известные науке и общественности, носители всем известных и значимых идей, обладатели не только регалий, но и научного авторитета.

Наконец, успех такого мероприятия во многом будет зависеть от гласности в его осуществлении: публиковаться должны не только конечные, но и первичные и промежуточные данные. Конечная цель – непрерывное получение независимых и беспристрастных данных об изменениях в мировой экономической конъюнктуре и тенденциях – подразумевает безусловно высокий международный статус такого центра, сходного с ООН, но ни в коем случае не напоминающего МВФ или ВБ.

Организация такого международного центра наблюдений за экономической динамикой – не просто важный, но, может быть, решающий для начала шаг для исправления мейнстрима в экономической теории и практике, очищения его от искажений, деформаций и ошибок, сознательных или ненамеренных, превращения из инструмента создания искусственных, игровых ситуаций в единую внушающую всем доверие теорию как основу для работы над анализом мировой экономики и её различных национальных преломлений.

Очистка мейнстрима, если под этим английским словом, означающим «главное русло», «основное течение», понимать не самое употребительное и часто упоминаемое, но более всего востребованное обществом и наукой учение о данном предмете, должна вестись при одновременном формировании нового мейнстрима на основе прочного комплекса взглядов, вытекающих из опыта и науки, подтверждаемой опытом. И наработки, и логика, и «архив» экономической науки на сегодня недвусмысленно свидетельствуют: уклон в либерализм был и искусственным, и неосновательным, и мёртворождённым, но не случайным, к нему вело течение историко-экономических закономерностей. Оно будет повторяться, – но можно предвидеть и прекращение таких экспериментов с хозяйственной теорией и практикой. Нужным опорным рубежом могло бы стать, например, образование хотя бы первого подобия мирового экономического правительства, мысли о котором волей-неволей бродят сейчас по политическим речам и экономическим сочинениям.

Не сегодня и не завтра, но всё же в предвидимом будущем, очевидно, предстоит начать осваивать переход к попыткам всеобщего управления, но сперва хотя бы к одной только координационной деятельности в основных процессах мировой экономики, и это будет долгий и сложный экзерсис по воплощению не теперешней, клочковатой и не всем понятной, но истинной и всеобщей неизбежной глобализации как очередного этапа логического движения мировой экономики вперед. Упоминания об этом этапе есть и у К. Маркса.

Проходить он может не иначе как под эгидой всемирного координационно-управленческого центра, очертания которого сегодня трудно представить себе, но уже очень скоро они могут начать проявляться.

С либерально-экономических позиций и на неолиберальных принципах (собственно, на одном принципе «меньше государства») воплощение такой глобализационной концепции не кажется, говоря мягко, естественным, а говоря прямо, на этом предвидимом этапе либеральная идея станет лишённой базы и «точки приложения» и просто неуместной. Там гораздо больше места потребуется позициям чистой, интеллектуально окрашенной и научно-аналитически обогащённой прагматики.

Такая перспектива не может, конечно, прельщать нынешние американские власти. Но гораздо ближе к нашему времени маячит другая, воистину фундаментальная для США и их привычки играть экономическими факторами с другими странами и регионами на мировой арене, опасность: полный развал рынка как всемирного института ввиду окончательного «ухода в отрыв» финансового сектора от реального, и это при сохранении за финансовым сектором возможности и прав пользоваться, в прямом смысле слова, деньгами, порождаемыми только реальным сектором.

Спасение капитализма: цель главная, но промежуточная

В эпоху глобализации, ТНК и господства электронных расчётов перед Соединёнными Штатами открывается отчетливая перспектива – растерять рычаги влияния на мировую экономику и управление собственным хозяйством, и американское государство столкнётся с параличом всех своих долго и трудно наработанных способностей, навыков, возможностей, ресурсных, финансовых, организационных и дипломатических, воздействовать в своих интересах на политику и экономику стран и регионов, на ТНК, – и все эти способности, навыки, возможности, действительно высококласные, останутся в его распоряжении. Но изменятся правила игры, природа средств и объектов воздействия, перестанут работать многие и национальные, и международные экономические, законодательные и ограничительные нормы. Это, естественно, ведёт к хаосу. Единственный способ избежать всего этого – вернуться к твёрдой опоре для экономики в виде реального производства, из которого и над которым произрастает, паразитирует и наживается всё остальное капиталистическое хозяйство, включая и «пузырчато»-финансовую его часть.

Расчёт прост: опираться надо на реально существующее производство, дающее реально осязаемые товары, отсекая эфемерные, ускользающие – словно для того и созданные – «надфинансовые» части хозяйства, уже по своему генезису спекулятивно-мошеннические. Всё это «ускользающее» хозяйство, видимо, надлежит, наконец, объявить, как оно того давно и вполне заслуживает, не то чтобы «противозаконным» (хотя речь, в общем, об этом), но разрушающим рыночную систему и потому подлежащим особым мерам надзора и контроля. Зачатки этого процесса можно, кстати, увидеть в активно обсуждаемых предложениях международных банкиров по «Базелю-III».

Понятно, что опасный «ускользающий» раздел бизнеса относится к сфере, где особенно чувствительно воздействие эмоционального против рационально-

го, начала, где трудно подбираются нормы мягкого реагирования, и это всякий «новый раз» требует значительного времени; а, может быть, мягкое воздействие в таких случаях неосуществимо в принципе именно потому, что эмоции (как сейчас с дериватами) гораздо труднее проконтролировать и самоконтролю они поддаются уж совсем плохо – по сравнению с реальным «произвел – купил – продал – прибыль» рациональным началом.

В производстве тоже, разумеется, есть место эмоциям, но они всегда вращаются вокруг реально существующих вещей и объектов и потому легче поддаются контролю, способы которого изучены хорошо. Но если не делать в законодательстве и политике упора на реальный сектор, он выскользнет из рук политиков вслед за финансовым, к тому же опустошённый и обескровленный последним. Что важно – в таком случае исчезает и причина и мотивация для забот о процветании реального производства товаров и услуг, а это уже похоже на конец – или промежуточную остановку капиталистического способа производства и общественного уклада.

Всё это экономические советники Обамы и он сам уяснили, надо думать, ещё до президентских выборов, поэтому развёрнутая ими экономическая программа действий была, может быть, необычной и для посторонних неожиданной в деталях, но для обамовской команды – уже начально «обкатанной» и достаточно уверенно пущенной в ход в Конгресс и в общественность. А поскольку изложенные без ненужных подробностей исходные позиции не были столь уж сложны для общего понимания, законопроект о реформе финансового регулирования довольно легко и быстро прошёл обе парламентские палаты.

Но вовсе не в этом важном и значительном успехе главная цель задуманного и внедряемого президентскими экономистами. Сохранение контроля над мировыми экономическими процессами потребовалось им не ради удовлетворения привычных великодержавных или даже однополярных амбиций, – ставки теперь много выше и касаются всего капиталистического мира и капиталистического строя. Вопрос о дальней, дальше, вероятно, 2030 или даже 2050 г., перспективе устройства мировой экономики и роли в ней отдельных стран. Можно предполагать, что примерно в течение обозначенного периода положение в мировой экономике, индивидуальная мощь и доля в мире различных стран, региональных союзов, группировок переменятся, как и их порядковые места в мировом рейтинге и производстве и, возможно, политические и экономические цели. Сделают своё и демографические факторы, и миграция, изменятся доля, состав, структура энергоресурсов и промышленного оборудования в национальной и, конечно, в международной торговле, хотя пропорции таких перемен не могут быть ныне слишком различимы.

Однако можно быть уверенным в движении и его векторе для одной из важнейших в мировой экономике пропорций: уровни национальных доходов, размеры душевых ВВП. Жизненные стандарты стран и «первого», и «второго» миров будут неуклонно сближаться. При сближении уровней жизни неизбежен рост зарплаты в ныне развивающихся и трансформирующихся государствах, а это значит, что развитые страны, прежде всего США, будут постепенно терять выгоды и доходы, связанные с деятельностью ТНК, с международными торгово-экономическими соглашениями, выводом трудоёмких и вредных производств в «третьи страны» и т.п. В общем, будет нарушено действие того, что было принято когда-то называть механизмом неэквивалентного обме-

на между развитыми и развивающимися странами. Следует, видимо, спорить о точности самого термина, но нельзя отрицать такого явления, как, например, дешевизна рабочей силы в развивающихся странах – мощный источник богатства развитых стран, получаемого через обмен, как его ни называй, по действующему рыночному механизму. Но это будущее на глазах превращается в реальность и, следовательно, приближает коренные изменения в структуре, процессах и мотивациях существующего ныне механизма рыночной системы. Чтобы легче было убедиться в достоверности приближения такой «неприятной» для многих стран ситуации, надо только попытаться ответить на один-два вопроса из серии тех, что задают на экзаменах дополнительно продвинутым студентам. Вопрос первый: что произойдёт с рыночной системой, если уровень и качество душевого ВВП во всех странах мира выровняется, т.е. если в мире будет достигнут одинаковый уровень жизни? И второй: что случится с рынком, если все дееспособные члены общества станут предпринимателями, – а разве такая возможность не следует из функционирования общества, построенного на либеральных экономических свободах?

Оба случая – чисто, конечно, гипотетические, но, теоретически, и там, и там дело завершается распадом рыночной системы. В первом варианте она прекращает существование из-за неминуемого затухания конкуренции или ощутимой смены её форм. Во втором – в обществе, построенном целиком на рыночных принципах алчности, своекорыстия, эгоизма, наступает хаос. Так что вряд ли «распад рынка» произойдёт на предполагаемых выше условиях. Однако в то же время и нельзя отрицать, что повышение страновых и индивидуальных доходов – одна из целей рынка, если уж он является наиболее эффективным механизмом производства и распределения. Значит, предполагаемые процессы будут продолжаться, но рынок не будет безучастен к подготовке своей гибели и станет как-то сопротивляться, – скорее всего, допустим, через изменения в своём механизме. Это уже, отметим, доказательство: рынок в нынешнем виде не вечен и не наилучшая система для всех времён и условий. Сопротивляясь, он при этом меняется, не всегда удачно, отсюда все «дериваты» и отсюда явная потребность рынка в помощи со стороны общества.

«Инновационная гонка» к выгоде тандема США – Китай

Как раз в последние десятилетия – их принято почему-то называть «постиндустриальными» – рынок подготовил себе настоящую «производственную» ловушку, несущую все характеристики, нужные, чтобы счесть её роковой. Речь о том, что к концу XX столетия любые товары и услуги стали производить практически в любом требуемом количестве во множестве развитых и развивающихся стран при любом нужном, приемлемом или высоком качестве. Найти необходимое можно практически в любом уголке земного шара, но коммерческая выгода – у тех, кто сумел воспользоваться более дешёвой рабочей силой не в ущерб запрошенному качеству. Это несколько изменило рисунок конкурентной борьбы на мировых рынках и стало особенно заметно, когда Китай освоил массовое производство высококачественных импортных товаров, от простых текстильно-обувных до сложной электроники.

Это можно назвать воплощением использования инноваций при одновременной модернизации экономики и страны. На будущее обрисовываются два наиболее значительных поля международной конкуренции между национальными хозяйствами: производство товаров и услуг и производство инноваций. В смысле удовлетворения платёжеспособного спроса первое из них можно, вероятно, считать сейчас практически «закрытым» для новых претендентов, даже и с расчётом на постепенное увеличение спроса.

Преодолеть экономические сложности можно, пожалуй, только путём выпуска «монопольных» товаров – на базе либо принципиальных нововведений, либо большей дешевизны в производстве. За счёт привычных «монопольных» товаров, поскольку речь идет в основном о природных ресурсах, выиграть могут немногие и немного, сами эти товары либо исчерпываются, либо могут замещаться «альтернативными» (например, энергоресурсы), так что этот источник крупных постоянных доходов на мировом рынке на ближайшие десятилетия не кажется слишком вероятным и устойчивым. Зато инновации выглядят куда более верным методом освоения новых ниш на мировом рынке и, может быть, единственным инструментом, обещающим гарантированный результат. Но так только кажется. Эйфория может возникнуть при нежелании исследовать проблему. Анализ сразу вскрывает нечто иное. Начать его следует с простого вопроса: зачем инновации человечеству и мировой экономике? Ответы могут оказаться разные, включая, между прочим, и вариант «совсем не нужны». Однако не будем выходить за рамки представлений большинства: видимо, цель инноваций – «двигая вперед прогресс, получать неиссякаемую прибыль».

Все, кому такой вывод важен, до него, конечно, добрались, и он, в общем, верен, но, как всё в текущей рыночной экономике, только в краткосрочном плане. Нетрудно понять, что в современном мире, до краёв заполненном любыми товарами, услугами и способностями производить их сколько надо, акцент в международной конкуренции перемещается с товарного производства на производство инноваций: они-то и должны позволить выпускать товары лучше, дешевле, ближе к человеческим нуждам. Само производство товаров ограничено платёжеспособным спросом, зависящим в конце концов от производства товаров. Связь не линейная, но доходы финансового сектора, биржевые и небиржевые, целиком привязаны к реальному сектору. Финансовый сектор без реального – лишь виртуальный фантом.

Понятно как будто, что в этой предстоящей гонке выигрыш предназначен тому, кто дешёво произведёт наиболее эффективные инновации, – но такой вывод не полон без уточнения: «и наиболее эффективным способом произведёт на основе этих инноваций нужные товары». Дополнение резко меняет отношение к модному лозунгу «будущее в руках инноваторов»: оно – по-прежнему – принадлежит тем, кто произведёт конкурентные товары, а «инновации» – всего лишь дополнительно появившаяся стадия конкуренции, какими когда-то были механизмы, автоматизация и т.д. Но эффективное производство легче налаживается там, где уже раньше для этого имелась современная производственно-промышленная база, а странам, желающим поучаствовать в «промышленно-инновационной гонке» будущего, такую базу следует спешно создавать. В противном случае придётся инновациями торговать, продавая их имеющим производственные мощности. Но таким путём в лидеры мировой

экономики выйти трудно, – а что касается, скажем, России, лет через 5–7 этот путь будет практически закрыт.

Необходимую промышленную базу сегодня имеют развитые страны, к ним вскоре можно будет присоединить Китай, где освоение производства массовых товаров, в том числе «инновационных», налаживается хорошо и качественно, к той же стадии приближается Индия, идущая к этой цели своим путём. В Китае внимание к инновациям – и не только использованию, но и к их производству – стало приоритетным направлением экономики, это важно для страны, потому что до последнего времени смелая, умелая широкомасштабная внешнеэкономическая экспансия Китая осуществляется через использование зарубежных инноваций и ноу-хау.

Усилия Китая заслуживают особого внимания, потому что они проводятся грамотно и целенаправленно, потому что для них создана уже сейчас модернизационно-промышленная основа, в экономической политике страны важная роль отведена профилактически-компенсационной функции внутреннего спроса, беспрецедентное значение могут иметь размеры китайского населения и, наконец, в этом деле, как во многих других, несомненное участие примет обширная и необыкновенно преданная интересам «прародины» международная китайская диаспора. Таких сильных сторон в столь же полном комплекте у других возможных претендентов на участие в гонке нет. Они не обязательно гарантируют уверенную победу в борьбе за место в «экономике будущего», но образуют, кажется, самые сильные на сегодня стартовые позиции в этой гонке среди всех участников, включая и Россию.

Наша страна, скорее всего, опережает других в одном только, – правда, существенном, отношении: она, если ей не чинить слишком многочисленных помех, способна, особенно в течение 5–7 ближайших лет, по некоторым экспертным оценкам, освоить наибольшее в мире количество пригодных к «рыночному» применению инноваций и в прикладных, и в фундаментальных исследованиях. Однако эта деятельность, несмотря на её как будто понятную властям первостепенную необходимость, в современной России не координируется, а выдаваемые за попытки её организации спорадические «всплески» инновационной активности выражаются либо в правильной и бесполезной риторике, либо в случайных дорогостоящих мероприятиях типа проекта «Сколково», способного скорее усилить инновационно-экономический потенциал других стран. Так что по преимуществам в инновационной конкуренции в целом наша страна всё менее поддается сравнению с другими.

Помимо Китая, значительную роль в этом деле могут сыграть Индия и, вероятно, Япония, однако главное внимание следует, безусловно, уделить США. На то есть несколько бесспорных причин: мощнейшая в мире и хорошо финансируемая прикладная и фундаментальная наука, хорошие навыки контроля над экономическими процессами, прекрасно налаженное умение преобразовывать научные достижения в коммерческий успех, лучшая в мире база для этого и давно организованная и непрерывно совершенствующаяся всемирная сеть государственных пунктов и центров, включая дипломатические представительства, по активной экспансии международного экономического влияния и торгово-экономического контроля США над производственными и финансовыми потоками в других странах и регионах.

Вряд ли есть смысл обманывать себя спекулятивно педалируемыми сейчас доводами о «постиндустриальном» (в данном случае – не промышленном) устройстве современной экономики США. Действительно, около 82 статистических процента ВВП США дает сфера услуг, но это с включением огромной доли финансовых, в том числе оскандалившихся «пузырей». И мало кто обращает внимание вот на что: всю необходимую промышленную базу Соединенные Штаты держат под контролем, – к слову, во всех развитых странах доля продукции машиностроения и металлообработки составляет ныне от трети до половины всего объема промышленной продукции (в России менее 20%). И, хотим мы того или нет, определившийся курс России на увеличение инновационного потенциала через «американско-нобелевскую» помощь обрекает нашу страну в лучшем случае на место во втором эшелоне уже начавшейся гонки.

И это ещё не главная «ловушка» инновационной гонки, ожидающая всех вместе с Россией. Если придумывать, изобретать и переводить в рыночное состояние инновации научатся хотя бы упомянутые здесь четыре страны, количество годных к «товарной» реализации идей может резко вырасти, – как и задумано. Но это вполне может породить проблему, пока что мало нас интересовавшую: есть ли в таком количестве инноваций необходимость, способно ли население страны, группы стран или всего человечества приспособиться – допустим, только психологически – к такому потоку новых товаров, моделей, модификаций. Легко может случиться, что срок службы новых и вполне пригодных к использованию изделий будет насильственно сокращаться по коммерческим причинам, и это в новых масштабах реанимирует уже известные проблемы – утилизацию, экологию, сокращение запасов сырья. Возможно и появление психологических проблем.

На деле, однако, скорее всего, пойдут как всегда два встречных процесса: усложнение ситуации и попытки человечества к нему приспособиться, облегчить последствия. Один из путей «встречного движения», давно дискутируемый, – воспитание новой «потребительской психологии»: человек или ограничивает физическое потребление всех товаров реально необходимым набором, или просто ограничивает привычное потребление. Это было бы безусловно выгодно для сохранности земных энергосырьевых резервов, не всегда выгодно или ограниченно выгодно с коммерческой точки зрения, но воспитание «нового потребителя» требует неопределённо длительного периода «совершенствования» или же огромных усилий для ускорения процесса, и без какой-либо гарантии успеха. Но, опять-таки, всё пойдет, видимо, не так просто и понятно.

Инновации стремятся поставить точку в старом споре о первичности спроса и предложения: конечно, предложение. Звучит убедительно: предложение рождается рыночным своекорыстием, а оно, как всякое из зол человеческого бытия, неуправляемо, а если и контролируемо, то лишь частично. Значит, рынку предстоит «переваривать» и невиданный поток инноваций, и интересы человечества, и земные ресурсы.

Но рост числа промышленно пригодных инноваций не может, что понятно, идти однолинейно «по восходящей», сбои и приостановки неизбежны, как и ограничительное влияние на этот процесс уже ныне ощутимого недостатка многих ресурсов. Появятся новые технологии, новые источники энергии, можно предвидеть новый раунд «химизации» экономики со снижением нагрузки на потребление сырья, возникнут самые неожиданные производственно-

технологические повороты, гораздо более революционизирующие производство нужных товаров, чем известные до сих пор новшества.

Наверное, одним из провозвестников таких технологических прорывов можно считать недавно открытый русскими физиками в Манчестере графен. История с этим открытием многое может подсказать в дискуссии о процессе будущего «инновационного» соперничества в мире. К моменту получения авторами открытия Нобелевской премии, как зафиксировано российской прессой, большинство сотрудников госкорпорации «Роснано», созданной именно для подобных разработок уже после появления графена и множества планов по его использованию, об этом открытии понятия не имели, и к 2010 г. даже не были запланированы работы по изучению свойств или применению этого материала.

Ситуация с графеном невольно кажется теперь дурным предвестием того, что вскоре может произойти с «инновационной кампанией» в России в её полном объёме: бывшие сотрудники РАН, уехавшие от академической нищеты и отсутствия рабочих условий в Англию, там закончили работу над интереснейшим новшеством, и в это время сотрудники специально созданной для таких проектов с многократно превышающими «академические» ставки зарплатами, опекаемые российской властью, демонстрируют незнание и того, что прежде делалось в «их» области в России, и того, что делается сейчас в той же области в Великобритании. Такую неинформированность нельзя считать ничем другим, как прямым следствием плохой организации и «Роснано», и работ в этой госкорпорации, и видимого отсутствия квалифицированных специалистов.

Последнее, впрочем, естественно: нужные специалисты либо в Англии, либо в Калифорнии. Но важнее то, что модель «ситуации графен» указывает недвусмысленно на неумение отечественных администраторов от «правительственной науки» грамотно стимулировать исследования и опережать в этом учёных из более приспособленных для этого и умеющих делать это успешно и коммерчески выгодно стран. Да и некоторые признаки заставляют сомневаться в искренности желания российских властей успешно организовать работу над инновациями и на их основе – над технологической модернизацией страны.

Судьба поставленных на поток инноваций, если это случится в России, остаётся непрояснённой: то ли они помогут научным успехам, то ли дадут коммерческую прибыль, но в обоих случаях власти не раскрывают механизмов реализации потенциального успеха. Таким образом, избранный страной путь грозит оставить США и Китай в инновационной гонке наедине, без посторонних соперников. Возникает ещё один сценарий «нового капитализма», где вероятно нешуточная схватка за искусство использовать «поточные» инновации в коммерческих целях, между двумя геополитическими гигантами – «старым» и «новым», – а заодно и за лидерство в мировой экономике. Шансы России присоединиться в качестве «третьего» конкурента на сегодня выглядят минимальными, даже по сравнению с Францией и Великобританией. Такой вариант легко породит частично или полностью монополизированный по многим направлениям мировой рынок, и это тоже будет означать конец классического рынка, для США нежелательный.

Проблема в том, что рыночная система не может оставаться в своём неизменном виде, развитие капиталистического производства и финансов вполне объективно подталкивает её трансформацию, и, возможно, процесс проходил бы менее болезненно, если бы инициатива и реализация перемен исходили

синхронно от частного сектора и его партнёра-государства. Но всё оказалось отданным на откуп предпринимателям, а отступление государства чем дальше, тем меньше оставляло надежд на упорядочивание разладившихся рыночных процессов. В результате нынешнего кризиса надежды исчезли. Но теперь вынужденное резкое вмешательство государства, естественно, не способствует гармоничной трансформации рынка, на нем сперва требуется установить прежние привычные порядки.

«Спасая» рынок и капитализм, мероприятия Обамы временно сдерживают развитие рыночной системы и экономики. Наверное, Соединённые Штаты применяют лишь один из возможных способов упорядочения мирового хозяйства, однако делается это, нужно подчеркнуть, через укрепление национальной экономической базы. В эпоху «тотальной глобализации» это может казаться странным, но только на первый взгляд, и следует предполагать, что в ближайшие годы многие правительства сделают попытки укрепить свою национальную экономику, несмотря на объективно набирающие силу идущие параллельно глобализационные процессы: как ни парадоксально это выглядит, такие попытки создадут «точку опоры» для сохранения каждой стране национального государственного суверенитета, остающегося пока абсолютно необходимым.

Однако такая мысль уже граничит с идеей национального протекционизма, и это противоречит не только общему движению полустихийно развившейся глобализации, но и вполне конкретным и чётким установкам ВТО и может при «перенакоплении» доводов в пользу протекционизма представить ощутимую угрозу благополучию и жизнеспособности этой международной организации, через которую – и это можно счесть при желании ещё одним парадоксом – Соединённые Штаты, в частности, поддерживают своё лидерство в мире экономики. В этом, надо думать, и причина внезапной горячей поддержки американцами, примерно с середины 2010 г., стремления РФ поскорее и во что бы то ни стало оказаться в ВТО, хотя и для России именно сейчас такая перспектива не представляется столь уж полезной, – в отличие, разумеется, от стратегической необходимости вступления, – и США совсем недавно изобретательно и упорно этому фактически «запретительно» препятствовали.

Это, судя по всему, показывает, что России оказывается «доверие» особого рода – приём в круг тех стран, которые способны оказать нужное США содействие в распутывании действительно сложных экономико-социальных и финансовых посткризисных проблем. Корень сложностей – в том, что одного только упорядочения внутренней экономики, чем столь целеустремленно занимается ныне Обама, для ликвидации случившегося бюджетно-долгового бедствия совершенно недостаточно, но и время не терпит, и потому откровенны попытки Соединённых Штатов получить весомые «вещественные» выгоды с помощью умелых политико-дипломатических ходов, в качестве компромиссов и уступок разного рода от других стран, самого разнообразного характера, но, после их «учёта» и необходимой перетасовки на внутривластном уровне, непременно ведущих к сокращению бюджетного дефицита и укреплению социальной устойчивости экономики страны.

Сырьевой потенциал России в такой ситуации более чем пригоден для восстановления опасно пошатнувшегося баланса мировых экономических (и, следовательно, политических) сил. Так что США вынуждены использовать все свои национальные ресурсы и возможности, чтобы обернуть себе на пользу все какие

можно преимущества глобализации. Но, к несчастью и неудовольствию Соединённых Штатов, и глобализация неумолимо ведёт к всемирному «обобществлению» экономических и денежно-финансовых процессов, разрушая суверенную самостоятельность национальных хозяйств и денежных потоков; к тому же участники её всё менее предсказуемо меняются местами в мировой экономике и своим весом в системе международных экономических отношений.

Ныне очень трудно вообразить такую силу, которая воспрепятствовала бы снижению «мировой доли» США, постепенному и неотвратимому. Этой стране, соответственно, всё сложнее «руководить» мировым хозяйственным сообществом (или, если угодно, «координировать» его политику) ради достижения главной цели – извлечения самыми разнообразными способами экономической выгоды сравнительно с другими субъектами мировой экономики, что, в свою очередь, облегчает процесс «руководства». Противоречия, вращенные капитализмом последних столетий, обозначились теперь резче, чем когда-либо, и глобализация, до сей поры безусловно выгодная США больше, чем другим странам, грозит завтра всё начать у американцев отбирать, – хотя и встречный процесс «приручения» глобализации и её «освоения» Соединёнными Штатами будет продолжаться. Противоречие в том, что управлять мировыми процессами можно, только прочно опираясь на свои, суверенные национально-хозяйственные возможности, подконтрольные своему правительству, а это вскоре может стать практически невозможным, если бесконтрольная всемирная глобализация будет всё больше отрывать США и от национальных хозяйств других стран, и от глобализирующейся их части, т.е. «ускользающей» в принципе из-под какого-либо внешнего контроля над производственными и, главное, финансовыми потоками.

Оздоровляя ныне собственную экономику через возврат её под нужную степень контроля, американские власти стараются в то же время и оградить себя на будущее от всяких эксцессов неуправляемости, – а это, как мы видим, две совершенно разные задачи. К слову, это настойчиво напоминает о марксовой идее «всемирного обобществления производства» со всеми её последствиями и со многими другими предсказанными К. Марксом переменами в экономике и обществе.

Для США и ведущих «рыночных» стран такие перемены, должным образом не подготовленные, конечно, нежелательны. Видятся только два способа воспрепятствовать им: или продолжать бесконечно усиливать или хотя бы просто совершенствовать национальное регулирование экономики, задерживая наступление полного господства глобализации, или переходить к экономической политике под эгидой «всемирного правительства». Но первое неразумно и успеха не обещает, второе сегодня пока неосуществимо.

Остаётся, следовательно, «золотая середина», которую следует искать между «национальными» и «глобальными» путями: разумное, взвешенное проведение двуединой, с элементами национальной самостоятельности и глобальных эффектов, финансово-экономической политики, – в очевидной, разумеется, её зависимости от политики и процессов реальной экономики.

Следовательно, речь о замене всего существующего механизма международного экономико-финансового мониторинга, надзора, контроля (и таких же национальных механизмов, конечно, тоже с обязательным их созданием и вводом в действие там, где их сейчас нет). То, что должно произойти в результа-

те мероприятий, к которым властно и грубо толкнул нынешний кризис, можно назвать «реформой», но этого кажется недостаточно, в то время как «переворот» был бы слишком сильным словом, не годятся «упорядочивание» или «совершенствование».

Дело в том, что речь сейчас, несмотря на все бои со спекулирующей наукой и извращенной практикой, идёт не более чем о сознательном честном содействии естественному ходу эволюции экономической теории и способов её воплощения в жизнь. Рыночная система, как она сложилась к началу XX века, не выдерживает более заложенных в её природе движущих сил алчности и подаёт сигнал: «либо я рассыпаюсь, либо меня следует трансформировать». Замены рыночной системе на период борьбы с её извращениями или, возможно, трансформациями нет, её следует привести в посильный порядок и полученным пользоваться, но сознавая временность такого положения до того момента, как начнут обозначаться контуры «нового капитализма» или иного более подходящего экономического уклада.

Суть и временного упорядочения сейчас, и перспективной трансформации в новый, стабильный и жизнеспособный уклад будет, как это видится сегодня, в том, чтобы дополнить движущие рынком эмоции рациональным началом и при этом поставить не только правовые, но и психологические барьеры чрезмерным проявлениям своекорыстия, неудержимой страсти к наживе как одной из главных причин экстремальностей нынешнего капитализма и возникновения особенно острых и глубоких кризисов. Понятно, что для обеспечения относительной стабильности экономических процессов этого может оказаться недостаточно, а настоящее обуздание алчности потребует серьёзного самосовершенствования человека, параллельно одновременному введению контроля над рыночными «чрезмерностями» со стороны общества.

Как можно видеть, упорядочение рыночной системы состоит из двух основных задач, каждая из них очень трудна, а их выполнение нарушает главные движущие мотивы и силы рыночной системы: барьер своекорыстия ограничит, разумеется, конкуренцию, а самосовершенствование, если оно достижимо, процедура весьма долгая, на десятилетия, но если это и состоится, эффект опять-таки выразится в снижении максимальных значений конкуренции. Это нетрудно охарактеризовать как «подрыв основ рыночного капитализма».

Можно предположить возможный временный выход из этого противоречия, – впрочем, его не разрешающий полностью, – всё то же совершенствование регулирования – и ни в коем случае не ужесточение. Однако вопрос: до каких пределов эта мера будет действовать? Пределы здесь – не только количественные, но и качественные, сущностные, те и другие важны равно и само собой, чем более вычурны нерыночные «инновации рынка», тем труднее спастись от них рынок, и тем дороже «спасательные операции» обходятся стране и экономике. «Провалы рынка» становятся все менее терпимыми и все менее переносимыми: их дороговизна уже, кажется, начинает превышать выгодность «эффективности рынка».

Рынок неповинен в чрезмерности наших надежд на него «при всех обстоятельствах» и при его неизменности, – но нельзя требовать от автомобиля прежней комфортности при изменении скоростного и грузового режимов движения и без внесения изменений в конструкцию машины. Но это и происходит, в сущности, в настоящее время: рынок диктует – «меня пора менять», а

«знатоки» и «пользователи» рынка, в страхе потерять бесконечные дары своекорыстия от привычной рыночной системы, превратили рынок в фетиш, «вечный и неизменный». Вновь доказано: такого не бывает. Нет такой проблемы – менять рынок или нет, – придётся, он же и заставит чудовищными извращениями своего функционирования в ветхом, отжившем состоянии.

Другое дело, что рыночные призывы можно и не услышать, – то есть общество неудовлетворительно выполнит свою часть задачи экономического взаимодействия «государство – предпринимательство», и тогда перемены в строении рынка и создание очертаний «нового капитализма» целиком станут делом частного бизнеса. Но кризис показал: если это и случится – так ненадолго. Государству придется подключиться, – но понятно и другое: чем быстрее, тем лучше, а в идеале реакция должна быть немедленной, не позже реакции бизнеса. Однако при теперешнем устройстве, привычках и навыках взаимодействия «экономической» части госаппарата с частным сектором, где бы это ни происходило, и в России, и даже в США или Франции, задержки и апатия чиновников неизбежны. Эта часть открывшейся задачи, как кажется сегодня, связана с неодолимыми сложностями.

Они понятны, появились из традиций прошлого «противостояния» бизнеса и государства. Но, видимо, очень важно исследовать их природу и корни. Можно найти высококвалифицированных и объективно мыслящих ученых-экспертов, честно анализирующих конъюнктуру и тренды перед разработкой нужных мероприятий, порядка и техники их выполнения. Можно, надо думать, подыскать и честную, эффективную организационно-исполнительскую «команду». Но нельзя не учитывать самых разнообразных попыток «эмоционально заряженного» своекорыстием бизнеса противодействовать рациональным усилиям государства с растущей изощрённой находчивостью. Вот этой опасности надо учиться противостоять. Правда, перемены экономического будущего, вполне вероятно, приведут и к смене общественного отношения к рыночному своекорыстию и рациональному поведению государства, и не в результате «самосовершенствования», а просто потому, что в новых условиях это окажется и разумно, и выгодно, а продолжение прежнего «рыночного» поведения перестанет быть столь же выгодным или хотя бы обещающим, как это представляется в настоящее время.

Но пока в своих попытках противодействовать постоянно усложняющимся приёмам предпринимателей, если оно их совершает, государство поневоле и постоянно остается «позади», поскольку привыкло лишь реагировать на выдумки и мероприятия бизнеса. Одна из настоятельных задач, видимо, заключается в том, чтобы начать избавляться от «инертной вторичности», склоняя бизнес к привычке постоянно сотрудничать с государством. Такое «сотрудничество в соперничестве» упряжной с коренником требует перехода части деловой инициативы кореннику-государству. Этот процесс, видимо, неотвратим, – в виде скорее всего и прежде всего какой-то формы планирования, – например, «индикативного», – но лишь для начала и не только в такой форме.

Возможно, суть предстоящих вскоре процессов, к которым идёт дело, точнее всего и вернее всего передает полузабытое сегодня, а когда-то очень популярное в науке и политике, слово «конвергенция». Оно, может быть, не очень точно передает все оттенки происходящего, но лучшего и более точного пока не придумано. Когда-то главным смыслом конвергенции было сближение, со

взаимными уступками и даже компромиссами, исторически сложившихся к середине XX века капитализма и «социализма». Декорации на исторической арене сменились, но существо желаемого сохранилось.

Мы теперь знаем, что конвергенция – это не сближение капитализма с подмоченной репутацией и якобы провалившегося социализма, потому что и капитализм не вечен и далеко не безгрешен, и социализма «в натуре» вовсе не существовало. Конвергенция в наше время видится в постоянном сближении и начинающемся взаимопроникновении частнопредпринимательской и плановой экономики, со взаимообогащением и отмиранием ненужных элементов. Трудно сегодня предполагать что-то иное в окружении многих «переродившихся» («конвергировавших») стран Европы, к которым иногда добавляют и США, часто называемых сегодня «странами европейского социализма» или, по крайней мере, «социал-демократии».

Один из уроков происходящего, несмотря ни на что, «сближения» и нарушившего его кризиса, состоит вот в чём: издержки, вызванные деформацией и извращениями рыночного капиталистического процесса, уже грозят превзойти уровень разнообразных издержек, связанных с неэффективностью экономики планирования, в её, по крайней мере, «советском» варианте. И еще одно важное для нас наблюдение: мы в недавней истории успели убедиться, что демократия как её чаще всего принято представлять – не обязательное и необходимое условие рыночного хозяйствования и к тому же не обязательное и не единственное условие рыночной эффективности. Здесь лишнее доказательство того, что рынок не так уж органично встроен своей технической схемой в фундаментальные институты общества.

Вероятно, один из главных выводов, которые мы имеем возможность сегодня сделать, – рынок не подчиняется вечным и неизменным правилам подобно закону всемирного тяготения, его рисунок и функционирование легко меняются под внешним влиянием или стихийно. Это показал нынешний кризис. Другой несомненный вывод: отношения государства и частного предпринимательства в рыночной экономике не должны и не могут быть конфликтными, это неестественно, бытующее до сих пор роковое противостояние порождено искусственно и приводит к растрате огромных объёмов общественных ресурсов, а наибольший экономический эффект достигается в результате конструктивного сотрудничества государства и частного бизнеса.

Третий вывод тоже кажется несомненным, хотя и является достаточно неожиданным: существующий и действующий ныне с переменным успехом рыночный механизм состоит из экономических и финансовых деталей и «комплектующих», но экономическим по природе своей не является, ибо основан – и это хорошо известно – главным образом на внеэкономическом мотиве своекорыстия и имеет психологические корни, которые в первую очередь и питают и заставляют двигаться, в нужных своекорыстия направлениях, ритме, пределах, скоростных режимах все экономические (а точнее – социально-экономические) сущностные составляющие рыночного механизма.

Поэтому рыночное регулирование должно проводиться экономическими рычагами управления, но с тонкой психологической «подстройкой». Рациональные мотивы, также участвующие в рыночной экономике, – например, важнейшая для принятия рыночных решений информационная функция прибыли, при столкновении с эмоциональными мотивами, как показывает неодно-

кратно экономическая история, всегда уходят на второй план, если только не получают дополнительного стимулирования.

Игнорирование внеэкономических факторов рынка, как показал кризис, более не является терпимым, – оно не только обходится всё дороже, но ведёт к потере какого-либо подобия экономического контроля над мировым и национальными хозяйственными процессами. Это – тоже явное требование перемен в рыночных схеме и режимах. А при трансформации классического рынка в другой экономический режим должно исчезнуть и место для экономического либерализма в его нынешнем виде он лукавая и соблазнительная, но всего лишь выдумка, порожденная все тем же своекорыстием.

Динамика назревших перемен в рыночном механизме, – все равно, назовём мы их «упорядочением» или «трансформацией», – влечёт неотвратимые перемены в его строении и внутренних мотивациях. Особенно существенным может стать глобализационный переход к межстрановому, региональному и в перспективе – всемирному координированию или иным подходящим формам управления хозяйственной деятельностью. Можно не сомневаться, что в результате должны смениться формы, мотивы и острота конкуренции, которая в эпоху «всемирного экономического правительства» станет, видимо, отчасти управляемой, – другое в таких условиях трудно вообразить. Столь же сложно представить себе сегодня и конкретные будущие формы такой конкуренции, – однако не следует думать об этом как о проблеме отдаленной: прообраз «всемирного экономического правительства» бойко зародился и работает на наших глазах. Вот тоже хороший парадокс: все «рыночные» приверженцы, развитые, развивающиеся и трансформирующиеся, борются и за место под эгидой ВТО, и за возможность оказывать через неё влияние на экономику и политику других стран.

В новом мировом экономическом механизме, к созданию которого Соединённые Штаты переходят сейчас, будет отведено меньше места плохо управляемым рыночным эмоциям и больше – умению управлять экономическими процессами и политикой, закреплению за США авангардного и лидирующего места в глобализированной всемирной экономике. Именно в этом, как известно, США в последние полвека ушли довольно далеко вперед по сравнению с другими развитыми странами, так что рациональное в их экономике в конце концов, как правило, перевешивало рыночную стихию, а если эта здоровая традиция не соблюдалась – наступал грандиозный провал наподобие текущего кризиса, и выправлялся он уже привычными инструментами.

Опора на организационно-управленческие рычаги, умение всегда контролировать рынок и была залогом конкурентных успехов США и их лидерства в международных экономических отношениях, в большой степени основанного, конечно, и на объективных преимуществах этой страны. Поэтому, как показывает комплексный анализ, в нарождающемся «мейнстриме будущего» сегодня у США не видно абсолютных конкурентов, а достойным и более или менее равноправным партнерством через 20–30 лет смогут пользоваться страны, уже сегодня отказавшиеся от слепого подчинения «невидимой руке» исчезающего рынка.